

* * *

Тепло, беспокойно и сыро
Весна постучалась ко мне
На улице тают пломбирсы.
И шапки упали в цене.

Шатаюсь по улицам синим
И, пряча сырые носки,
Во всех незнакомых гостиных
Без спроса читаю стихи.

Чужие курю папиросы.
И, пачкая пеплом ладонь,
На стенах сегодня без спроса
Окурком рисую мадонн.

Я занят весёлой игрою.
Я солнечных зайцев ловлю
И рву васильки на обоях.
И их васильками кормлю.

Красивая женщина моет
Окно на втором этаже.
Я занят весёлой игрою.
Мне нравится этот сюжет.

Киваю случайным прохожим.
По лужам иду напрямик.
А вечером спрячусь в прихожей
Поплачу в чужой воротник.

1981

ОТ ВИНТА / ВСЕ ОТ ВИНТА!

Рука на плече. Печать на крыле.
В казарме проблем — банный день. Промокла тетрадь.
Я знаю, зачем иду по земле.
Мне будет легко улетать.

Без трёх минут — бал восковых фигур. Без четверти —
смерть.

С семи драных шкур — шерсти клочок.
Как хочется жить... Не меньше, чем петь.
Свяжи мою нить в узелок.

Холодный апрель. Горячие сны.
И вирусы новых нот в крови.
И каждая цель ближайшей войны
Смеётся и ждёт любви.

Нам лечащий врач согреет солнечный шприц.
И иглы лучей опять найдут нашу кровь.
Не надо, не плачь... Лежи и смотри,
Как горлом идёт любовь.

Лови её ртом. Стаканы тесны.
Торпедный аккорд — до дна!
...Рекламный плакат последней весны
Качает квадрат окна.

Эй, дырявый висок! Слепая орда...
Пойми — никогда не поздно снимать броню.
Целую кусок трофейного льда,
Я молча иду к огню.

Мы — выродки крыс. Мы — пасынки птиц.
И каждый на треть — патрон.
Лежи и смотри, как ядерный принц
Несёт свою плеть на трон.

Не плачь, не жалея... Кого нам жалеть?
Ведь ты, как и я, — сирота.
Ну, что ты? Смелей! Нам нужно лететь...
А ну от винта!
Все от винта!

ПОСОШОК

Эх, налей посошок да зашей мой мешок
На строку — по стежку, а на слова —
по два шва.

И пусть сырая метель мелко вьёт
канитель

И пеньковую пряжу плетёт в кружева

Отпевайте немых! А я уж сам отпою
А ты меня не щади. Срежь ударом копыя!
Но, гляди, на груди повело полынью
Расцарапав края бьётся в ране ладья

И запел алый ключ. Закипел, забурился
Завертело ладью на весёлом ручье
А я ещё посолил
рюмкой водки долил
размешал и поплыл
в преисподнем белье

Перевязан в венки мелкий лес вдоль реки
Покрути языком — оторвут с головой
У последней заставы блеснут огоньки
И дорогу штыком преградит часовой

Отпусти мне грехи! Я не помню молитв
Если хочешь — стихами грехи замолю
Объясни — я люблю оттого, что болит
Или это болит оттого, что люблю

Ни узды, ни седла. Всех в расход.
Всё дотла.

Но кое-как запрягла
И — вон! — пошла на рысях
Не беда, что пока не нашлось мужика
Одинокая баба всегда на сносях

И наша правда проста, но ей не хватит креста
Из соломенной веры в «спаси-сохрани».
Ведь святых на Руси — только знай выноси!
В этом высшая мера. Скоси-схорони.

Так что ты, брат, давай, ты пропускай, не дури!
Да постой-ка, сдаётся, и ты мне знаком?
Часовой всех времён улыбнётся: — Смотри! —
И подымет мне веки горячим штыком.

Так зашивай мой мешок да наливай посошок
На строку — по глотку, а на слова — и все два
И пусть сырая метель всё кроит белый шёлк
Мелко вьёт канитель да плетёт кружева

Май 1985

ЕГОРКИНА БЫЛИНА

Как горят костры
как горят костры у Шексны-реки.
как стоят шатры бойкой ярмарки

Дуга цыганская! да ничего не жаль
отдаю свою расписную шаль
а цены ей нет
четвертной билет
жалко четвертак? ну, давай пятак
пожалел пятак — забирай за так
расписную шаль
всё, как есть, на ней гладко вышито
гладко вышито мелким крестиком

Как сидит Егор в светлом тереме
в светлом тереме с занавесками
с яркой люстрой электрической
на скамеечке, шитой серебром,
крытой войлоком

рядом с печкою белой, каменной
важно жмурится
ловит жар рукой.

На печи его рвань — фуфаечка приспособилась
да приладилась дрань — ушаночка
да пристроились вонь — портяночки
в светлом тереме с занавесками
да с достоинством ждёт гостей Егор
а гостей к нему — ровным счётом двор
ровным счётом двор да три улицы
— С превеликим Вас Вашим праздничком
И желаем Вам самочувствия,
Дорогой Егор Ермолаевич!
гладко вышитый мелким крестиком
улыбается государственно
выпивает он да закусывает
а с одной руки ест солёный гриб
а с другой руки — маринованный
а вишнёвый крем только слизывает
только слизывает сажу горькую
сажу липкую
мажет калачи — биты кирпичи

Прозвен-н-нит стекло на сквозном ветру
да прокиснет звон в вязкой копоти
да подёрнется молодым ледком.

проплывёт луна в чёрном маслеце
в зимних сумерках
в волчьих праздниках
тёмной гибелью
сгинет всякое
дело Божие
там
где без суда
все наказаны
там, где все одним жиром мазаны
там, где все одним миром травлены

да какой там мир
сплошь окраина

где густую грязь запасают впрок
набивают в рот
где дымится вязь беспокойных
строк
как святой помёт

где японский бог с нашей матерью
повенчались общей папертью

образа кнутом перекрещены

эх, Егорка ты, сын затрешины,
эх, Егор, дитя подзатыльника
вошь из-под ногтя в собутыльники
в кройке кумача с паутиною
догорай, свеча
догорай, свеча
х..й с полтиною...

Обколотится сыпь-испарина
и опять Егор чистым барином
в светлом тереме, шитый крестиком
всё беседует с космонавтами
а целуется с Терешковой
с популярными да с актрисами
всё с амбарными злыми крысами.

— То не просто рвань, не фуфаячка
то душа моя несуразная
понапрасну вся прокопчённая
нараспашку вся заключённая

— Да то не просто дрань, не ушаночка
то судьба моя несуразная
несуразная — лопаухая
вон — дырявая, болью трачена
по чужим горбам разбатрачена

Да то не просто вонь, вонь кромешная!
то грехи мои, драки-пьяночки...

А говорил Егор, брал портяночки
тут и вышел хор да с цыганкою
знаменитый хор Дома радио
и Центрального телевидения
под гуманным встал управлением

— А вы сыграйте мне песню звонкую!
Разверните марш миномётчиков!
А погадай ты мне, тварь певучая
очи чёрные, очи жгучие
погадай ты мне по пустой руке
по пустой руке да по ссадинам
по мозолям да по живым рубцам...

— Дорогой Егор Ермолаевич!
Зимогор ты наш Охламонович!
износил ты душу, да, до полных дыр
так возьмёшь за то дорогой мундир
генеральский чин, ватой стёганный
с честной звёздочкой да с медалями

изодрал судьбу, сгрыз завязочки
так возьмешь за то дорогой картуз
с модным козырем лакированным
с мехом нутряным да с кокардою

а за то, что грех стёр портяночки
завернёшь свои пятки босые
в расписную шаль с моего плеча
всю расшитую мелким крестиком

Поглядел Егор на своё рваньё
и надел обмундированиё

Заплясали вдруг тени лёгкие
заскрипели вдруг петли
ржавые

отворив замки
Громом-посохом
в белом саване
Снежна Бабушка

— Ты, Егорушка, дурень ласковый
собери-ка ты мне ледяным ковшом
да с сырой стены
да с сырой спины
капли звон-н-кие да холодные
ты подууй, Егор, в печку тёмную
пусть летит зола, пепел кружится
в ледяном ковше, в сладкой лужице
замешай живой рукой кашицу
да накорми меня, Снежну Бабушку!

Оборвал Егор каплю-ягоду,
через силу дул в печь угарную.
дунул в первый раз — и пропал мундир
генеральский чин, ватой стёганный
и летит зола серой мошкой
да на пол-топтун, да на стол-шатун
на горячий лоб да на сосновый гроб

дунул во второй — и исчез картуз с модным козырем
лакированным

Эх, Егор, Егор! Не велик ты грош
не впервой ломать.
Что ж, в чём родила мать — в том и помирать?

Дунул третий раз — как умел, как мог
и воскрес один яркий уголёк,
и прожёт насквозь расписную шаль
всю расшитую мелким крестиком
и пропало всё.

не горят костры, не стоят шатры
у Шексны-реки нету ярмарки
нету ярмарки
нету ярмарки

Только чёрный дым тлеет ватюю.
Только мы стоим
 виноватые.
И Егорка здесь.
Он как раз в тот миг папиросочку
 и прикуривал.
Опалил всю бровь спичкой серною.
Он, собака, пьёт год без месяца.
Утром мается. К ночи бесится.
Да не впервой ему — оклемается.
Перебесится, перемается,
перемается, перебесится
и, Бог даст,
 Бог даст, не повесится.

Распустила ночь чёрны волосы.
Голосит беда бабьим голосом.
Голосит беда бестолковая.
 В небесах — звезда участковая
 в небесах — звезда участковая
 в небесах — звезда...

Мы сидим, не спим. Пьём шампанское.
Пьём мы за любовь
 за любовь свою за гражданскую.

Сентябрь 1985

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СВАДЬБА

Звенели бубенцы. И кони в жарком мыле
тачанку понесли навстречу целине.
Тебя, мой бедный друг, в тот вечер ослепили
два чёрных фонаря под выбитым пенсне.

Там шла борьба за смерть. Они дрались за место
и право наблевать за свадебным столом.
Спеша стать сразу всем, насилуя невесту,
стреляли наугад и лезли напролом.

Сегодня город твой стал праздничной открыткой.
Классический союз гвоздики и штыка.
Заштопаны тугой суровой красной ниткой
все бреши твоего гнилого сюртука.

Под радиоудар московского набата
на брачных простынях, что сохнут по углам,
развёрнутая кровь — как символ страстной даты —
смешается в вине с грехами пополам.

Мой друг! Иные — здесь. От них мы — недалече.
Ретивые скопцы. Немая тетива.
Калечные дворцы простёрли к небу плечи.
Из раны бьёт Нева. Пустые рукава.

Подставь дождю щеку в следах былых пощёчин.
Хранила б нас беда, как мы её храним.
Но память рвётся в бой. И крутится, как счётчик,
снижаясь над тобой и превращаясь в нимб.

Вот так и скрутило нас. И крепко завязало
красивый алый бант окровленным бинтом.
А свадьба в воронках летела на вокзалы.
И дрогнули пути. И разошлись крестом.

Усатое Ура чужой недоброй воли
Вертело бот Петра в штурвальном колесе.
Искали ветер Невского да в Елисейском поле.
И привыкали звать Фонтанкой Енисей.

Ты сводишь мост зубов под рыхлой штукатуркой,
но купол лба трещит от гробовой тоски.

Гроза, салют и мы,
И мы летим над Петербургом,
В решётку страшных снов
Врезая шпиль строки.

Летим сквозь времена, которые согнули
страну в бараний рог. И пили из него.

Все пили за Него. А мы с тобой хлебнули
за совесть и за страх.
За всех. За тех, кого
слизнула языком шершавая блокада.
За тех, кто не успел проститься, уходя.

Мой друг! Спусти штаны, и голым Летним садом
прими свою вину под розгами дождя.

Поправ сухой закон, дождь в мраморную чашу
льёт чёрный и густой осенний самогон.
Мой друг Отечество твердит, как Отче наше,
но что-то от себя послал ему вдогон.

За окнами — салют. Царь-Пушкин в новой раме.
Покойные не пьют, да нам бы не пролить.
Двуглавые орлы с побитыми крылами
не могут меж собой корону поделить.

Подобие звезды по образу окурка.
Прикуривай, мой друг! Спокойней, не спеши...
Мой бедный друг, из глубины твоей души
стучит копытом сердце Петербурга.

7 ноября 1985

ВАНЮША

Как ходил Ванюша бережком вдоль синей речки
Как водил Ванюша солнышко на золотой уздечке

душа гуляла
душа летела
душа гуляла
в рубашке белой
да в чистом поле
всё прямо-прямо
и колокольчик

был выше храма
да в чистом поле
да с песней звонкой

Но капля крови на нитке тонкой
уже сияла, уже блестела
спасая душу,
врезалась в тело

Гулял Ванюша вдоль синей речки
и над обрывом
раскинул руки
то ли для объятия
то ли для распятия

Как несло Ванюху солнце на серебряных подковах
И от каждого копыта по дороге разбегалось
двадцать пять рублей целковых

Душа гуляет!
Душа гуляет!

Да что есть духу, пока не ляжешь,
Гуляй, Ванюха! Идёшь ты, пляшешь!

Гуляй, собака, живой покуда!
Из песни — в драку! От драки — к чуду!

Кто жив, тот знает — такое дело!
Душа гуляет и носит тело.

Водись с любовью! Любовь, Ванюха,
Не переводят единым духом!

Возьмёт за горло — и пой, как можешь,
Как сам на душу свою положишь!

Она приносит огня и хлеба, когда ты рубишь
дорогу к небу!

Оно в охотку! Гори, работа!
Да будет водка горька от пота!

Шальное сердце руби в окрошку!
Рассыпь, гармошка!
Скользи, дорожка!
Рассыпь, гармошка!

Да к плясу ноги! А кровь играет!
Душа дороги не разбирает.
Через сугробы, через ухабы...
Молитесь, девки! Ложитесь, бабы!

Ложись, кобылы! Умри, старуха!
В Ванюхе — силы! Гуляй, Ванюха!

Танцуй от печки! Ходи впрысядку!
Рвани уздечки! И душу в пятку!

Кто жив, тот знает. Такое дело!
Душа гуляет. Заносит тело.

Ты, Ванюша, пей да слушай —
Однаво теперь живём.
Непрописанную душу
Одним махом оторвём.

Хошь в ад, хошь — в рай!
Куда хочешь — выбирай.
Да нету рая, нету ада.
Никуда теперь не надо.

Вот так штука! Вот так номер!
Дата, подпись и печать.
И живи, пока не помер.
По закону отвечать.

Мы с душою нынче врозь.
Пережиток, в опчем.

Оторви её да брось —
Ножками потопчем!

Нету мотива без коллектива.
А какой коллектив —
Такой выходит и мотив.

Ох, держи, а то помру
В остроте момента!
В церкву едут поутру
Все интеллигенты.

Были к дьякону, к попу ли,
Интересовались.
Сине небо вниз тянули.
ТЬфу ты! Надорвались...

Душу брось да растопчи.
Мы слюною плюнем.
А заместо той свечи
Кочергу засунем.

А Ванюше припасла снегу на закуску я.
Сорок градусов тепла
Греют душу русскую.

Не сестра да не жена
Да верная отдушина
Не сестра да не жена
Да верная отдушина

Как весь вечер дожидалось Ивана у трактира красно солнце
Колотило снег копытом и летели во все стороны червонцы

Душа в загуле!
Да вся узлами!
Да выжгли, сдули
Святое пламя!

Какая темень!

Тут где-то вроде душа гуляет?
Да кровью бродит. Умом петляет.

Чего-то душно. Чего-то тошно.
Чего-то скушно. И всем тревожно.
Оно тревожно и страшно, братцы!
И невозможно приподыматься.

Да, может, Ванька чего сваляет?
А ну-ка, Ванька! Душа гуляет!

Рвани, Ванюша! Чего не в духе?
Какие лужи? При чём тут мухи?

Не лезьте в душу! Катитесь к чёрту!
Гляди-ка, гордый! А кто по счёту?

С вас аккуратом... ох, темнотища!
С вас аккуратом выходит тыща!

А он рукою за телогрейку...
А за душою — да ни копейки!

Вот то-то вони из грязной плоти:
— Он в водке тонет, а сам не плотит!

И навалились, и рвут рубаху,
И рвут рубаху, и бьют с размаху.

И воют глухо литые плечи.
Держись, Ванюха, они калечат!

— Разбили рожу мою хмельную?
Убейте душу мою больную!

Вы все сопели, вертели клювом?
Да вы не спели! А я спою вам!

А как ходил Ванюша бережком
вдоль синей речки!
А как водил Ванюша солнышко
на золотой уздечке!

Да захлебнулся. Пошла отрава.
Подняли тело. Снесли в канаву.

С утра — обида. И кашель с кровью.
И панихида у изголовья.

И мне на ухо шепнули:
— Слышал?
Гулял Ванюха...
Ходил Ванюха, да весь и вышел.

Без шапки к двери.
— Да что ты, Ванька?
Да я не верю!
Эй, Ванька — встань-ка!

И тихо встанет печаль немая,
Не видя, звёзды горят, костры ли.
И отряхнётся, не понимая,
Не понимая, зачем зарыли.
Пройдёт вдоль речки
Да тёмным лесом
Да тёмным лесом
Поковыляет
Из лесу выйдет
И там увидит,
Как в чистом поле
душа гуляет
Как в лунном поле
душа гуляет
Как в снежном поле
душа гуляет

СЛУЧАЙ В СИБИРИ

Когда пою, когда дышу, любви меняю кольца,
Я на груди своей ношу три звонких колокольца.
Они ведут меня вперёд и ведают дорожку.
Сработал их под Новый Год знакомый мастер Прошка.
Пока влюблен, пока пою и пачкаю бумагу,
Я слышу звон. На том стою. А там глядишь — и лягу.
Бог даст — на том и лягу.
К чему клоню? Да так, пустяк. Вошел и вышел случай.
Я был в Сибири. Был в гостях. В одной весёлой куче.
Какие люди там живут! Как хорошо мне с ними!
А он... Не помню, как зовут. Я был не с ним. С другими.
А он мне — пей! — и жёг вином. — Кури! — и мы курили.
Потом на языке одном о разном говорили.
Потом на языке родном о разном говорили.
И он сказал: — Держу пари — похожи наши лица,
Но всё же, что ни говори, я — здесь, а ты — в столице. —
Он говорил, трещал по шву — мол, скучно жить в Сибири...
Вот в Ленинград или в Москву... Он показал бы большинству
И в том и в этом мире. — А здесь чего? Здесь только пьют.
Мечи для них бисеры. Здесь даже бабы не дают.
Сплошной духовный неуют, коты как кошки, серы.
Здесь нет седла, один хомут. Поговорить — да не с кем.
Ты зря приехал, не поймут. Не то, что там, на Невском...
Ну как тут станешь знаменит, — мечтал он сквозь отрыжку, —
Да что там у тебя звенит, какая мелочишка? —
Пока я всё это терпел и не спускал ни слова,
Он взял гитару и запел. Пел за Гребенщикова.
Мне было жаль себя, Сибирь, гитару и Бориса.
Тем более что на Оби мороз всегда за тридцать.
Потом окончил и сказал, что снег считает пылью.
Я встал и песне подвязал оборванные крылья.
И спел свою, сказав себе: — Держись! — играя кулаками.
А он сосал из меня жизнь глазами-слизняками.
Хвалил он: — Ловко врезал ты по ихней красной дате. —
И начал вкручивать болты про то, что я — предатель.
Я сел, блее, чем снега. Я сразу онемел как мел.
Мне было стыдно, что я пел. За то, что он так понял.

Что смог дорисовать рога,
Что смог дорисовать рога он на моей иконе.
— Как трудно нам — тебе и мне, — шептал он, —
Жить в такой стране и при социализме. —
Он истину топил в говне, за клизмой ставил клизму.
Тяжёлым запахом дыша, меня кусала злая вша.
Чужая тыловая вша. Стучало в сердце. Звон в ушах.
— Да что там у тебя звенит?
И я сказал: — Душа звенит. Обычная душа. —
— Ну ты даёшь... Ну ты даёшь!
Чем ей звенеть? Ну ты даёшь —
Ведь там одна утроба.
С тобой тут сам звенеть начнёшь.
И я сказал: — Попробуй! —
Ты не стесняйся. Оглянись. Такое наше дело.
Проснись. Да хорошо встряхнись. Да так, чтоб зазвенело.
Зачем живёшь? Не сладко жить. И колбаса плохая.
Да разве можно не любить?
Вот эту бабу не любить, когда она — такая!
Да разве ж можно не любить, да разве ж можно хаять?
Не говорил ему за строй — ведь сам я не в строю.
Да строй — не строй, ты только строй.
А не умеешь строить — пой. А не поёшь — тогда не плюй.
Я — не герой. Ты — не слепой. Возьми страну свою.

Я первый раз сказал о том, мне было нелегко.
Но я ловил открытым ртом родное молоко.
И я припал к её груди, я рвал зубами кольца.
Была дорожка впереди. Звенели колокольца.
Пока пою, пока дышу, дышу и душу не душу,
В себе я многое глушу. Чего б не смыть плевка?!
Но этого не выношу. И не стираю. И ношу.
И у любви своей прошу хоть каплю молока.

Сядем рядом, ляжем ближе,
Да прижмёмся белыми заплатами к дырявому мешку.
Строгим ладом — тише, тише —
Мы переберём все струны да по зёрнышку.

Перегудом, перебором...
Да я за разговорами не разберусь, где Русь, где грусть.
Нас забудут, да не скоро.
А когда забудут, я опять вернусь.

Будет время, я напомним,
Как всё было скроено, да всё опять перекрою.
Только верь мне, только пой мне,
Только пой мне, милая, — я подпою.

Нить, как волос. Жить, как колос.
Размолотит колос в дух и прах один цепной удар.
Да я всё знаю. Дай мне голос —
И я любой удар приму, как твой великий дар.

Тот, кто рубит сам дорогу —
Не кузнец, не плотник ты, да всё одно — поэт.
Тот, кто любит, да не к сроку —
Тот, кто исповедует, да сам того не ведает.

Но я в ударе. Жмут ладони.
Всё хлопочут бедные, да где ж им удержать зерно в горстях.
На гитаре, на гармонии,
На полене сучьем, на своих костях.

Злом да лаской, да грехами
Растяни меня ты, растяни, как буйные меха!
Пропадаю с потрохами,
А куда мне, к лешему, потроха...

Но завтра — утро. Всё сначала...
Заплетать на тонких пальцах недотрогу-нить...

Чтоб кому-то, кому-то полегчало,
Да разреши, пожалуй, я сумел бы всё на пальцах объяснить —

Тем, кто мукой — да не мукою —
Все приметы засыпает, засыпает на ходу
Слёзы с луком. Ведь подать рукою —
И погладишь в небе свою заново рождённую звезду.

Ту, что рядом, ту, что выше,
Чем на колокольне звонкой звон, да где он — всё темно.
Ясным взглядом — ближе, ближе...
Глянь в окно — да вот оно рассыпано, твоё зерно.

Выше окон, выше крыши,
Ну, чего ты ждёшь? Иди смелей, бери ещё, ещё!
Что, высоко? Ближе, ближе.
Ну вот ещё теплей... Ты чувствуешь, как горячо?

Декабрь 1985

ИМЯ ИМЁН

Имя имён

в первом вопле признаешь ли ты, повитуха?

Имя имён

Так чего ж мы, смешав языки, мутим воду в речах?

Врём испокон

вроде за мелким ершом не ловилось ни брюха, ни духа.

Век да не вечер

Хотя Лихом в омут глядит битый век на мечях.

Битый век на мечях.

Вроде ни зги

да только с лёгкой дуги в небе синем

опять, и опять, и опять

запевает звезда.

Бой с головой

затекает ещё один витязь,

в упор не признавший своей головы.

Выше шаги! Велика ты, Россия, да наступать некуда.
Имя имён ищут сбитые с толку волхвы.

Шаг из межи. Вкривь да врозь обретаётся
верная стёжка-дорожка.

Сено в стогу. Вольный ветер на красных углях
ворожит Рождество.

Кровь на снегу. Земляника в январском лукошке.

Имя имён

Сам Господь верит только в него.

А на печи разгулялся пожар-самовар да заварена каша.

Луч — не лучина на белый пуховый платок.

Небо в поклон

До земли обратим тебе, юная девица Маша!

Перекрести нас из проруби да в кипяток.

Имя имён

не кроить пополам, не тащить по котлам, не стемнить по углам.

Имя имён

не урвёшь, не заманишь, не съешь, не ухватишь в охапку.

Имя имён

взято ветром и предано колоколам.

И куполам

не накинуть на имя имён золотую горящую шапку.

Имя имён

Да не отмоешься, если вся кровь да как с гуся беда,
и разбито корыто.

Вместо икон

станут Страшным судом — по себе — нас судить зеркала.

Имя имён

вырвет с корнем всё то, что до срока зарыто.

В сито времён

бросит боль да былинку, чтоб истиной к сроку взошла.

Ива да клён

Ох, гляди, красно солнышко врежет по почкам!

Имя имён

запрягает, да не торопясь, не спеша.

Имя имён

А возьмет да продраит с песочком!
Разом поймём,
как болела живая душа.

Имя имён

Эх, налететь бы слепыми грачами на тёплую пашню!
Эх, потекло по усам! Шире рот! Да вдруг не хватит
на бедный мой век!
Имя имён прозвенит золотыми ключами...
Шабаш! Всей гурьбою на башню!

Пала роса.

Пала роса.

Да сходил бы ты по воду, мил человек!

Январь-февраль 1986

ВЕЧНЫЙ ПОСТ

Засучи мне, Господи, рукава!

Подари мне посох на верный
путь!

Я пойду смотреть, как твоя вдова

В кулаке скрутила сухую грудь.

В кулаке скрутила сухую грудь.

Уронила кружево до зари.

Подари мне посох на верный путь!

Отнесу ей постные сухари.

Отнесу ей чёрные сухари.

Раскрошу да брошу до самых звёзд.

Гори-гори ясно! Гори...

По Руси, по матушке — Вечный пост.

Хлебом с болью встретят златые дни.

Завернут в три шкуры да все ребром.

Не собрать гостей на твои огни.

Храни нас, Господи!

Храни нас, покуда не грянет Гром!

Завяжи мой влас песней на ветру!
Положи ей властью на имена!
Я пойду смотреть, как твою сестру
Кроют сваты в тёмную, в три бревна.
Как венчают в сраме, приняв пинком.
Синяком суди да ряди в ремни.
Но сегодня вечером я тайком
Отнесу ей сердце, летящее с яблони.

Пусть возьмёт на зуб, да не в квас, а в кровь.
Коротки причастия на Руси.
Не суди ты нас! На Руси любовь
Испокон сродни всякой ереси.
Испокон сродни чёрной ереси.
На клинках клялись. Пели до петли.
С кем ни куролись, где ни колеси,
А живи как есть —
 в три погибели.

Как в глухом лесу плачет чёрный дрозд.
Как присело солнце с пустым ведром.
Русую косу правит Вечный пост.
Храни нас, Господи, покуда не грянул Гром!

Как искали искры в сыром бору.
Как писали вилами на Роду.
Пусть пребудет всякому по нутру.
Да воздастся каждому по стыду.

Но не слепишь крест, если клином клин.
Если месть — как место на звон мечом.
Если все вершины на свой аршин.
Если в том, что есть, видишь, что почём.

Но серпы в ребре да серебро в ведре
Я узрел не зря. Я — боль яблока.
Господи, смотри! Видишь? На заре
Дочь твоя ведёт к роднику быка.

Молнию замолви, благослови!
Кто бы нас ни пас, худом ли, добром,
Вечный пост,
 умойся в моей любви!
Небо с общину.
Всё небо с общину.
Мы празднуем первый Гром!

Март 1986